

ОСТАВАТЬСЯ СОБОЙ

МЕУАРЫ ЛЬВА АЛЕКСАНДРОВИЧА САВРОВА,
ДОПОЛНЕННЫЕ ВОСПОМИНАНИЯМИ РОДНЫХ И ДРУЗЕЙ

12+

Лев Александрович Савров

Остаться собой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55615678

SelfPub; 2020

Аннотация

Мемуары Саврова Льва Александровича, человека удивительной судьбы, учёного, писателя и путешественника, дополненные воспоминаниями о нём его родными, близкими, друзьями и коллегами.

ОТ АВТОРОВ

Эта книга – воспоминания родственников, друзей, коллег и сослуживцев о Саврове Льве Александровиче, человеке удивительной судьбы, прожившем яркую, интересную и насыщенную увлекательными событиями жизнь. Он был ведущим специалистом в Государственном астрономическом институте им. Штернберга в Отделе гравитационных измерений. Более десяти лет он преподавал физику и математику в трех африканских государствах, побывал с научными экспедициями в Европе, Мексике, Бразилии, был награжден орденом за заслуги перед Центральноафриканской Республикой и титулом шевалье. Кроме научных исследований занимался писательской и переводческой деятельностью.

К сожалению, он ушел от нас в июле 2019-го года, успев написать последние мемуары, но не успев их опубликовать. И мы – друзья и родственники – решили это сделать за него, дополнив его воспоминания своими рассказами, впечатлениями и интересными эпизодами из его жизни.

Он ушел – но осталась Память, и мы сделали всё, чтобы эта Память сохранилась в сердцах всех тех, кто его знал. Ибо человек жив, пока его помнят.

ИЗ ПИСЬМА К СЫНУ

«Сослагательного наклонения в жизни не существует, и “если бы да кабы” – это удел слабых и рефлексирующих. Я тоже, может, хотел бы в свое время поменять приоритеты, но вовремя понял, что стремление к известности и желание показать всем, какой ты крутой – чушь собачья. Просто надо оставаться самим собой, и, при всей вроде бы обыденности текущей жизни, постараться создавать для себя результаты того, что просит творческая часть души человека, если эта часть, да и сама душа, конечно, у него присутствуют».

САВРОВ ЛЕВ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Вроде как жизнеописание (фрагменты и ассоциации)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мои родственники постоянно просили меня сотворить мемуар, поскольку, видите ли, у меня получаются вполне приличные художественные опусы. Ну да, в какой-то момент жизни меня охватил писательский зуд и, признаться, с удивлением узнал, что народу понравилось. Затем энтузиазм поух, так как выяснилось, что совсем не могу творить, как говорится, в стол. Должен увидеть книгу изданной, а уж потом начинать другую. И, в общем-то, задуманное получи-

лось: всё что написал к этому моменту, издано. А тут я к тому же осознал, что мне осталось не так уж много времени на этом свете и, по существу, я уже самый старей в нашем многочисленном семействе и ещё кое-что помню о наших предках, жизнь которых была интересной, разнообразной и во многом трагичной.

Так что, получите, если успею, и распишитесь в получении.

ГЛАВА 1

САМ С УСАМ (ДЕТСТВО НА МАЛОЙ РОДИНЕ)

Я родился 31 октября 1937 года в разгар сталинских репрессий. Впрочем, для нашей семьи это уже было неважно, поскольку моего деда убили в концлагере за четыре года до этого, а его старшему брату, подорвавшему здоровье из-за гражданской войны, плена и тюрем, оставалось жизни в архангельской ссылке всего два года.

Как известно, отсидевшим в тюрьмах и отбывших ссылку, в тридцатые годы в Москву и Питер въезд на жительство был закрыт, вот почему они кучковались в соседних областях Центральной России и, в частности в Ярославской. Ну а у наших предков был к тому же свой стимул оказаться в замечательном городе Рыбинске, о чём я расскажу в главе им посвящённой.

Почему Рыбинск замечательный, спросит читатель. По нескольким причинам. Во-первых, потому что Москве перед грядущей Второй мировой войной нужна была близкая, надёжная и дешёвая электроэнергия. Во-вторых, после возведения длиннющей плотины высотой тридцать метров и образования огромного Рыбинского моря, город стал намного красивее смотреться в окружении нового пейзажа: правый (по течению) берег приобрёл в дополнение к старому купеческому центру со зданием товарной биржи, величественным собором с колокольней и высоченной из красного кирпича пожарной каланчой на заднем плане (всё это на крутом берегу) новые в техно стиле только что отстроенные корпуса авиамоторного завода с огромным помпезным Дворцом Культуры. В-третьих, после пропуска основного русла Волги через шлюз двадцатиметровой высоты, а её притока Шексны через сброс под зданием ГЭС, у жителей города началась совсем другая жизнь на великой реке (ведь моста-то через Волгу тогда не было). В-четвёртых, потому что в Рыбинске на свет появился я.

Скромненько, не так ли? Конечно, каждый человек уникален, хотя его появление на свет определяется набором достаточно случайных величин. А дальше вступают в действие совсем другие механизмы. На закате своей жизни мама спросила меня: «Почему ты у нас такой умный?» Я ответил: «Потому что ты красивая, любишь жизнь и людей. А я не гений – и это замечательно». «Нет, – сказала мама, – я не была кра-

сивой, но всегда была чертовски мила».

Главное, по-моему, в моей «сам с усамости» – два основных качества: если я ставил перед собой большую цель в решающий поворотный момент жизни, я всегда её добивался; и всегда шёл против толпы, потому что ненавижу её в любых проявлениях. Наличие этих качеств я выяснил в глубоком детстве с тех пор, как стал ощущать себя личностью.

А ощущать начал через неделю после рождения, когда меня из роддома перевезли на пароходике в Заволжье на посад, где в частных домах с садами и огородами жила почти половина населения города. Мы обретались по адресу Ленинградская улица, дом 4 (на этой тихой грунтовой улице, поросшей гусиной травкой, стояло всего четырнадцать домов по семь с каждой стороны), снимая кухню с громадной русской печью в пятистенном рубленом домике, владелицей которого была старая интеллигентная одинокая учительница.

В кухне, подвешенная под потолок, меня ожидало произведение искусства – сделанная на заказ шикарная люлька, украшенная голубыми бантами, устланная белыми простынями с кружевами и с новеньким ночным горшком под ней с намёком на будущее. В этой люльке я не пролежал и часа. Как только меня в неё укладывали, я начинал дико орать без остановки. Выяснилось, что совершенно спокоен и весел и сплю, как убитый, на большом кухонном столе, который и стал моим жилищем на первый год жизни. Рассказана история была мне много лет спустя Соней Рождественской, по-

дружкой мамы и кузиной моего друга детства и всей жизни Кирилла Градусова, и тётёй Аллой (мама Андрея Саврова), которая жила тогда с нами. Вот три девчонки (маме 19, Алле и Соне 15) и нянчились с этим «сам с усам». Всю жизнь я пытал маму, почему она назвала меня Лев, но она так и не призналась.

К двухлетнему возрасту я успел походить в детский сад. Бабушка Лида, будучи к тому времени главным бухгалтером городского треста бань и парикмахерских, подрабатывала ещё и в детском саду счетоводом: сталинские зарплаты были нищенскими. Её работа счетоводом спасла нас в голодные годы войны, потому что ей полагался обед, а она вместо него эквивалентом приносила домой пайком сливочное масло и сахар; овощи нам обеспечивал огород. Вот в этот детский сад в километре от дома меня и определили. Деталей не помню.

А зимой я заболел жуткой малярией. Температура под сорок, трясучка и лекарства не помогают. Бабушка повезла меня на санках по льду через Волгу в больницу. Больницу помню, я в забытьи, вокруг какие-то белые фигуры, а у меня видения: бесконечное пространство вселенной, в котором параллельно друг другу перемещаются трёхмерные слои вещества, а я пузырьком плаваю среди них. С тех пор при такой температуре и забытьи у меня всегда возникает эта картина.

Из больницы нас отправили домой, сказав бабушке: «Забирайте, он не жилец». Бабушка вспоминала: «Ташу санки

по скользкому голому льду, реву в варежку, а у тебя даже дыхания не видно». Дома прибежали сердобольные соседки и буквально велели волоочь меня к известной в Заволжье бабке знахарке, всё равно хуже не будет.

Поволокли. Бабка шептала наговоры, потом надела мне на шею ладанку и сказала: «Идите. Бог даст, оклемается». Вот тогда бабушка Лида дала себе обет, если выкарабкаюсь, то она меня окрестит. Ладанку она сохранила, и много десятилетий спустя я её раскурочил, в ней оказалась ртуть, видимо, жёстко оттянула внутреннее воспаление. История же с крещением, как всё у меня, получилась нестандартная, но об этом потом. Так что я пошёл на поправку и к весне про малярию забыл. Но перестал ходить, только ползал с бешеной скоростью.

Ползунком меня снова в июне и закинули в тот же детский сад. В первый же день «сам с усам» из детского сада сбежал. Перепуганные воспитательницы догнали меня на полпути к дому, ползущего по самой середине пыльной проезжей дороги точно по направлению домой. Вот это было веселье. Какое-то время за мной приглядывали персонально.

К четырём годам, благодаря пайку бабушки Лиды и виртуозным кулинарным способностям прабабушки Ани, я превратился в крепенького мальчика – боровика, способного выстоять в драке минимум против троих сверстников, сам не лез, но спуску не давал. Это качество в то время в Заволжье было наиважнейшим. Пацаны дали мне кличку «Боб».

Снова ходить, плавать, кататься на лыжах и коньках я начал одновременно, даже не помню процессов обучения, это происходило само собой.

Тут и грянула война. Мы тогда жили втроём, прабабушка Аня, бабушка Лида и я. Хозяйка дома уже умерла, и бабушка выкупила домик по скидке, поскольку была уважаемым человеком у городских властей. Всё равно пришлось продать оставшиеся ценности: ножную машинку «Зингер», бобровую шубу прабабушки и последние крохи фамильного серебра.

Осенью сорок первого в небе над Рыбинском разгорелись грандиозные ночные воздушные бои из-за плотины и ГЭС. Немцы пытались их раздолбать, наши – защитить. Немеренное количество зениток и прожекторов против армады бомбардировщиков. Каждую ночь. Никаких щелей в огороде мы не делали, я просто лежал в кровати, а бабушки сидели рядом. «Если попадёт бомба, – говорила бабушка Лида, – или на город налетит двадцатиметровая волна, лучше погибнуть всем вместе». Повезло, ни бомбы вблизи от нас ни волны, а вот фашистов сбивали довольно часто, и я каждый раз орал «Ура!», пока не засыпал под канонаду. После битвы под Москвой у нас всё кончилось, и до конца войны город был мирным.

Детство моего поколения в военные и послевоенные годы прекрасно описано в эссе «Родное» моего друга всей жизни Кирилла Градусова. Она находится на моей книжной полке

у рабочего стола, желающие могут брать почитать, может, у кого-то хватит сил оцифровать её и сделать электронный вариант. В книге написано довольно много и про меня. Так что не буду рассусоливать, а ограничусь фрагментами биографии лично для меня интересными.

Население Заволжья состояло тогда из рабочих, вкальвающих на заводах на той стороне реки, крестьянок – жён рабочих, целыми днями непрерывно ухаживающими за скотиной и птицей на подворье, и микроскопической прослойки репрессированной интеллигенции, которая работала на той стороне, а здесь снимала дешёвые комнаты в частных домах. Немногим, как нам, повезло занять свой дом после пятнадцати лет съёмного жилья. Кроме перечисленного, попадались вкрапления среднего класса и мелкой номенклатуры.

Соответственно, детские и подростковые компании, расслаивающиеся, в основном по возрасту, делились на три чётко выраженные социальные группы. Первая, самая многочисленная, – хулиганье в детстве, шпана в подростковом и бандиты к 18-ти годам. Родители, рабочие и крестьяне, мечтали, чтобы их оболтусы не сели в тюрьму до призыва в армию, откуда они возвращались нормальными, сразу женились и шли на заводы, где работали их отцы. Вторая группа, довольно многочисленная – дети среднего класса и номенклатуры, вполне адекватные приличные и общительные, в этой группе было много девочек. Третья – дети семей репрессированных, воспитанные и образованные, дружившие, в основном, меж-

ду собой. Их было немного. Разумеется, были случаи взаимного общения и контактов между группами. И редко кто-то, например, как Кирилл и я, постоянно общались с контингентом всех трёх групп. Нужно учесть, что в школах учились все вместе, термина спецшкола не существовало, школьной формы тоже не было. Последний вариант отношений – личная дружба, независимо от клана, такая как у меня с Кириллом и у меня же с представителем среднего класса удивительным Валеркой Перемутковым, о чём скажу ниже.

Группировки хулиганья и шпаны выросли поколение за поколением, старшие учили младших воровать и нападать на пьяных мужиков стаями и пр., используя методы кнута и пряника в виде игры в карты на интерес и в долг. Именно с тех пор я ненавижу блатные карточные игры и прохладно отношусь ко всяким «ап энд даун» и другим подкидным дуракам, хотя за границей целый сезон в своей международной компании играл в спортивный бридж, а также освоил французский белот и обучил ему Машуню и Антонина. Тоник, по-моему, всю жизнь в него играет с друзьями, благо это игра не на деньги.

Шпана пыталась и меня втянуть в этот тренинг, но «сам с усам», как всегда, был против толпы, тем более что воспитывался на книгах, бабушкиных рассказах и музыкальных вечерах в доме Рождественских, живших напротив. Об этом замечательно написано в эссе Кирилла. К тому же у меня была защита в лице компании Кирилла, которые были на

два года старше и могли отлупить кодлу моих сверстников. Вспоминаю такой факт: Кирилл пришёл ко мне один, мы играли во дворе в войну, а разведчики шпаны углядели, свистнули всю шайку, и они расположились на улице напротив наших ворот, взяв нас в осаду, радуясь, глумясь и провоцируя выйти на «честный» бой. Пёс мой Булька был злощип и кусачий, только если кто-то, нарушив границу, проникал во двор, а на улице превращался в добрую и ласковую шавку; на него было рассчитывать нечего. Я наблюдал, как Кирилл постепенно доходил до бешенства, сам заражаясь от него этой отчаянностью, когда сам чёрт не брат. И вот, схватив плётки из проволоки, мы вылетели из калитки, как из катапульты, кинувшись в самую гущу банды. Как они бежали! Мы гнались за ними метров сто, хлеща отстающих плётками по ногам. Я хорошо усвоил этот урок, он не раз потом пригодился мне в жизни. Важно оценить размер толпы, чтобы знать, когда нападать первым или убежать без оглядки. Кстати, с тех пор я регулярно вместе со шпаной играл в футбол и участвовал по вечерам в запекании и поедании картошки в вечерних костерках, разводящихся на берегу Волги, называемых «палюшками» (от слова запалить).

А теперь поговорим о моём самом близком приятеле с точки зрения препровождения времени вместе Валерке Перемутковым, которого все звали просто Перемут. Он жил на нашей улице через дом дальше по этой же стороне, но проводил почти все летние дни у меня, поскольку его жилое стро-

ение представляло из себя огромную домовину с мезонином, настоящую «Воронью слободку» (см. Ильф и Петров «Золотой телёнок»), в которой жило минимум семейств шесть. Кроме кучи детей мал-мала меньше, в этом гадючнике, ничего не было, а вот в пристройках, кладовках, чуланах и чердаке нашего домика, в ларях, плетёных корзинах полутора-метровой высоты и многочисленных старинных шкафах со стеклянными дверцами каких, с нашей точки зрения, сокровищ только не было.

Пермут в образовании был тупой. На год старше меня, он пошёл в первый класс школы, естественно, годом раньше. Оставшись на второй год, отучился ещё раз в первом классе вместе со мной, а затем, когда я перешёл во второй класс, повторил первый ещё раз, только тогда его со скрипом перевели, наконец, во второй. Но по практической сметке я никого из окружающих меня тогда детей и рядом поставить не могу. Обследовать углы, порыться в свалках, закоулках чужих дворов и обязательно найти что-нибудь, годное пустить в дело, сдать в пункт приёма вторсырья, выгодно втюхать доверчивым мальчишкам и девчонкам – вот его стихия! Я представлю несколько эпизодов, связанных с ним, чтобы показать незаурядность этого пацана.

ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ

Мне четыре года, ему пять. Я почти на голову выше и в

два раза крепче. Давно умею плавать, а он нет.

– Научи меня, наконец, плавать, – требует он.

– Ладно, – отвечаю я, – только это будет жёсткий вариант.

– Мне всё равно.

– Тогда пошли на котлован.

До войны в Рыбинске хотели всё же построить мост, и с нашей посадской стороны заключённые вбили в дно реки вереницу опорных железных свай и в продолжение этого ряда на нашем же берегу вырыли огромный и глубокий котлован с крутыми стенами, который при высокой воде, сбрасываемой из водохранилища, заполнялся почти полностью. Вода в нём была значительно теплее проточной волжской. Поэтому купальный сезон мы всегда открывали там. Стройку, конечно, забросили, в сиротливом котловане голодала заброшенная спускаемым валом воды рыба, хватавшая даже пустой крючок, и квакали немереные колонии лягушек.

Мы с трудом спустились по крутому откосу к кромке воды, которая тускло светилась жирным малахитом, жуткая глубина ощущалась уже в метре от края глинистого берега.

– Снимай штаны и рубашку, – сказал я.

Как только он стянул рубаху через голову, я резким толчком отправил его в эту глубину. Он вынырнул, отплёвываясь, и стал тонуть, пуская пузыри. Я прыгнул в воду и вытащил его на сушу.

– Отдышался?

– Вроде да, – ответил он, кашляя.

– Тогда валяй дальше, да шевели лапами.

И я столкнул его в воду снова. На пятый раз он приплыл к берегу по-собачьи сам.

– Вот и научился, пошли ко мне, пожрём, бабушка Аня пироги с морковкой испекла.

– Это здóрово, – заметил он спокойно, – обожаю пироги с морковкой.

ЭПИЗОД ВТОРОЙ

Июль, жара. Мне шесть лет, ему семь. Мы на нашем берегу валяемся на песчаном пляже, лень даже пальцем пошевелить. Я совершенно обгорел со своим красным загаром, спина болит, а ему, смуглому, хоть бы что. Кстати, нашёл-ся способ лечения ожогов. Увидев мою спину, баба Лида обмазывала всего меня сметаной. Не успевала она удалиться, тут же подскакивал Булька и начисто слизывал с меня всю сметану. Язык у него, видимо был целебный, сразу становилось легче. Баба Лида удивлялась куда так быстро исчезала сметана и снова обмазывала меня. Булька тоже только того и ждал. Подвергшись операции намазывания и слизывания, обычно на следующий день моя кожа приходила в норму до следующего сторания.

Итак, жарница и полная лень. Пора развлечься.

– Перемут!

– А?

- Жуи слона! Давай переплывём Волгу.
- Давай, – спокойно отвечает он.
- Из наших вроде никто ещё этого не делал.
- А на фига им.
- Вот мы и будем первыми.

В одних трусах мы бредём к грузовой переправе и проникаем на паром, спрятавшись за здоровенным возом сена. Паромщику и матросу-чальщику, впрочем, в такую жару тоже всё до лампочки. С парома-то мы уже нырять приловчились. Спрячемся среди возов, подождём, пока он отойдёт метров на двести от нашего берега, а потом с гиканьем и хохотом выскакиваем и сигаем с борта в Волгу, выгребая затем к нашему берегу. Ещё было удалью встречать паром с того берега. Он идёт быстро, надо рассчитать его и свою скорость так, чтобы выплывая ему навстречу, не промахнуться и точно попасть на деревянное рулевое перо и успеть за него зацепиться. Паромщик матерился, но поделать ничего не мог: мы отцеплялись метров за пятьдесят до причаливания.

Мы переправились на тот берег и пошли вверх по течению почти до завода «Рыбинские моторы», прикинув, что течение собьёт нас как раз к нашему пляжу.

Ну, и переплыли спокойненько. И никому об этом не стали говорить. Чего хвастаться, нам хватило того, что мы сделали.

ЭПИЗОД ТРЕТИЙ

Перемут каким-то образом надыбал в самом углу нашего чердака почти под застрехой громадную трёхрожковую бронзовую люстру непомерной тяжести. Ума не приложу, как это чудовище оказалось на нашем чердаке, зарытое в чистейший речной песок, которым был засыпан чердак. Даже в самые жаркие июльские ночи песок был прохладным, и мы с бабушкой Лидой ночевали на чердаке, бросив на песок вместо матраца старое ватное одеяло.

– Это сто́ит хороших денег, – заявил Перемут, – но придётся поработать.

– Мы подохнем, пока сумеем сдвинуть её с места.

– Что-нибудь придумаем, – деловито бросил он. Его мысли уже шурупили в нужном направлении.

Не буду утомлять деталями, но, как ни странно, мы сумели вытащить этот агрегат с чердака и спустить его по лестнице в заднюю пристройку, выломав всего-то две балясины из балюстрады чердачной лестницы. Перемут прикатил из своего двора двухколёсную тележку, на которой мы и доставили пудовую блямбу в приёмный пункт вторсырья, которым, кстати, заведовал дядя Петя Голованов, живущий с многочисленным семейством в хоромах наискосок от нас под номером один в начале улицы. Его средняя дочь Наташка была моей боевой подругой до самой школы. У них в гостиной стояло даже пианино. А какие вишни давал их сад!

Две недели мы с Перемутом на вырученные деньги объ-

едались мороженым.

ЭПИЗОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Август. Жара не спадает. В те времена у нас климат был континентальный, зимой морозы доходили иногда до минус сорока, а летом часто и подолгу бывало плюс тридцать с хвостиком.

Я пришёл от Кирилла, там мы мастерили с ним шпаги, перевязи и костюмы мушкетёров, готовясь к великой дуэли с гвардейцами кардинала Ришелье.

– Иду на огород сорвать укропчику и лука, – говорит мне прабабушка Аня, – а он уже копается в сарае, как землеройка какая-то. И когда только успел пробраться, Булька же молчал.

– Бушка, он собаку давно прикормил, а уж проникать незаметно куда угодно умеет лучше любого разведчика. И ведь никогда ничего не прикарманит, всегда покажет свою находку.

Я, кстати звал её Бушка, а бабушку Лиду часто просто Лиду́, именно так, с буквой «у» на конце имени. Ну, сокращенно от Лидусь, как ее звала Бушка.

В этот момент на пороге кухни появился Перемут, показав пустые ладони. Это означало, что не попало ничего достойного внимания.

– Пошёл «огурец», – слегка торжественно заявил он.

– Ого! – воскликнул я. – Когда пойдём?

– После обеда, лучше часиков в пять, солнце пониже, будет хорошо видно.

– Бушка, дай нам чего-нибудь пожевать, не обязательно от пуза.

– Можно и от пуза, – поправил он, – в воде быстро остынем.

«Огурцом» у нас называли замечательную рыбку снеток, пяти сантиметров в длину, прозрачную с чёрными глазами бусинками. Называли так из-за запаха: только что вытасченная, она действительно пахла свежим огурцом. В определённое время она появлялась большими стайками и легко ловилась сеткой, если знать места и способ. Зажаренная на сковороде в подсолнечном масле, она давала полное ощущение, будто ешь мелкую вермишель.

В сороковые годы Волга в районе города была невероятно загружена и захлавлена. Помимо двух переправ – пассажирской и грузовой – и колёсных пароходов дальнего действия, между берегами сновали десятки маломерных судов, разных катеров, катерков, буксиров, швертботов и яхт, принадлежащих спортивным обществам и пр. Прибавьте появившееся после 1943 года изрядное число немецких железных самоходных барж, а также огромные длинные плоты брёвен сплавного леса, прогоняемые через шлюз из водохранилища, многие из которых неделями стояли на якорях обычно у нашего более мелководного берега.

Впрочем, для нас мальчишек это было раздолье, чего только не выдумаешь, используя такие возможности для разнообразных забав. Для ловли снетка у нас с Валеркой было своё заветное место: выше по течению от грузовой переправы немецкая баржа, приткнутая наискосок носом к берегу на вечную стоянку, вот у её бортов и ходили стаи снетка.

У наших посадских мужиков для ловли рыбы было сотни две лодок, замкнутых у причалов цепями на навесных замках. На корме каждой лодки стоял кронштейн, на верхнем конце которого для ловли крепилась сеть на тросе, проходящем через ролик. С помощью рукояток сеть опускалась на дно и через какое-то время её быстро вытаскивали, ожидая, удачный ли будет улов в мутной воде. Крепёжные дуги сети бывали до трёх метров в размахе, солидная площадь охвата. Назывались такие сети «паут».

Ручная копия подобного «паута» была и в распоряжении запасливого Перемута. Работали мы парой так: загонщик вкругаля тихо подплывал к корме баржи, там становился на дно и гнал стайку к берегу вдоль баржи на сеточника, который держал сетку под водой. В нужный момент сеть резко выдёргивалась и рыбки ссыпались в ведро. Меняясь местами, мы за полчаса набрали полнее ведро.

– Идём к тебе, повеселимся точно от пуза, – сказал он.

– Может, поделим пополам, – предложил я.

– Ну его на фиг, набегут оглоеды, всё сожрут и спасибо не скажут, а твоих бабок рыбкой не грех побаловать, к тому же

твоя прапра готовит обалденно.

В общем, вечером был пир до отпаду.

ЭПИЗОД ПЯТЫЙ

В нашем домике туалет «типа сортира» был сделан по северному варианту: никаких будок во дворе, туалетная комната с глубокой выгребной ямой была встроена в угол задней пристройки. Половину туалета занимал широкий рундук на два очка – предмет зависти всех моих друзей. Потому что, удобно устроившись рядом на струганном дощатом сидении, можно было делать не спеша своё дело и вести приятную беседу.

Как-то раз мы с Перемутом засели там для славных дел. Через пять минут, выкряхтевшись, он, по своему обыкновению, меланхолично заявил.

– Сегодня идём на Шексну за белорыбицей. Я свистнул ключ у отца Мухи.

На самом-то деле он сказал не «свистну», а нецензурно, хотя и знал, что я не одобряю ругательств. Муха – это было прозвище его кузена Женьки. У папаши Мухи была лодка для ловли рыбы и, на наше счастье, он на днях снял с неё кронштейн для ремонта. Уж такого случая упустить Валерка не мог.

Как я уже упоминал, Шексна – северный приток Волги, и после заполнения Рыбинского моря впадала в него за сто

километров на севере и вытекала мощнейшим постоянным сбросом из-под здания ГЭС. Оставшийся километр до впадения в Волгу вода рвалась с бешеной скоростью. Течение было такое, что даже самые могучие мужики не могли выгresti против него на середине реки. У нас был единственный шанс, работая каждый на одном весле, подняться вверх до полуострова у ГЭС, прижимаясь вплотную к берегу.

Падая в потоке воды с двадцатиметровой высоты, большая рыба отрубалась и минут пять плыла кверху брюхом, тут-то её, голубушку, и надо было брать. У нас на это была всего одна попытка, так как лодку за это время уносило до самой Волги. Белорыбицей Валерка именовал благородные сорта рыбы типа судака и стерляди. Многое зависело от везения и зоркого глаза.

Мы добирались до полуострова часа два с половиной и когда уселись для обзора на крутом берегу, были измучены как районный партийный бюрократ, весь день ожидавший приезда обкомовской проверочной комиссии, но так и не появившейся.

– До усиленного сброса ещё целый час, – сообщил Перемут. – Оклемаемся, отдохнём, перекусим.

– А я и не успел ничего захватить.

– Я успел забежать к себе на кухню и пошарить.

Он достал из необъятного кармана штанов чистую тряпочку и развернул её. Обнаружились две толстенные горбушки чёрного хлеба и головка чеснока. Я вообще-то не

люблю чеснок, но ни до ни после за всю жизнь никогда не ел такого вкусного хлеба с натёртой чесноком корочкой.

– Час прошёл, – сказал Перемут, – пора.

Он и без часов прекрасно чувствовал время. Рёв водосброса усилился минимум в два раза, мы вскочили на ноги и до боли в глазах стали всматриваться в пенные гребни мутного потока.

– Вон она! – крикнул Валерка. – Скорее!

Мы прыгнули в лодку и, выворачивая суставы, помчались вдогонку за тускло мелькавшим белым брюхом, то и дело исчезающим в волнах. Догнали мы её через полкилометра. Перемут ловко забагрил, и мы минут десять корячились, чтобы втащить рыбину в лодку.

– Судак, – сказал он, – кило три будет.

– Ну, Валерий, – заявил я, – снимаю шляпу. Ты просто гений-добытчик.

– Да, я такой, – спокойно подтвердил он.

Вечером у нас в домике опять была обжираловка.

Вот такого друга раннего детства на малой родине подарила мне судьба. В 18 лет его призвали в армию. Отслужив, он выучился на портного, специализируясь на мужских пальто. В мои последующие визиты в Рыбинск в подростковом и зрелом возрасте мы практически не пересекались, пока мы с Олей, Кириллом, мамой, Машей и Львом-младшим не въехали на нашу улочку на моей машине в конце августа 1970 года. Это было наше свадебное путешествие. Поставив ав-

то у дома Головановых, мы пешком обошли наш квартал, осмотрев родной мой дом и пр. Наташка сказала, что Перемут купил в Песчаном переулке полдома и живёт там с семьёй. Мы туда и завалились. Он вышел мне навстречу совершенно узнаваемый, приземистый с круглым брюшком и испачканными от возни в огороде руками. Познакомил с женой и детьми, но не предложил даже чашки чая. Поболтав пять минут, мы ретировались. Больше мы никогда не виделись.

СЕНО

Хочу ознакомить читателя ещё с несколькими деталями жизни моего раннего детства, которые явно вписываются в картину жизни мутанта «сам с усам».

Между Шиловским домом (фамилия владельца) под номером два и нашим под номером четыре в общий уличный забор вклинилось большое строение под названием сенной сарай. Кому он принадлежал было неизвестно, но довольно регулярно к его воротам, выходящим на улицу, подъезжали возы с сеном и то загружали сарай под завязку, то выгружали сено и куда-то увозили. После загрузки и выгрузки ворота несколько часов не закрывались, и никого вокруг не было.

Вот при сарае, полностью забитом сеном, наступал наш звёздный час, мы же постоянно ошивались на улице. Наша компания устраивала уникальную вещь – игру в прятки в сене. Водящий на улице считал вслух до ста, а остальные зары-

вались в сено в разных направлениях, как мыши, от потолка до пола. Водящий должен был, ползая в сене, найти кого-нибудь и осалить. Никогда и нигде ничего подобного я ни от кого не слышал, сам же натренировался ввинчиваться в сено ужом и двигаться внутри довольно быстро. Захватывающая игра! Через двадцать лет это умение мне очень пригодилось, может я ещё об этом эпизоде успею написать в нужном месте.

БАНЯ И ПАРИКМАХЕРСКИЕ

Бабушка Лида к окончанию войны дослужилась до должности главного бухгалтера городского треста бань и парикмахерских и была очень уважаемым человеком у городских властей и в обществе, имея репутацию честнейшего работника. Все девицы-парикмахерши знали меня прекрасно и стоило мне появиться в пределах их досягаемости, меня хватили и делали самую модную стрижку. С тех пор я терпеть не могу парикмахерских.

А вот мыться в номерах рыбинских знаменитых купеческих бань я обожал. Пока мы с бабой Лидой не жились в ваннах большой помывочной комнаты, в гостинной банщица готовила нам самовар с баранками и сушками. Кайф!

ЖОРЖИК

Его имя было Георгий (Жорж), но все звали его Жоржик.

Он заведовал сетью парикмахерских на городском рынке и был махровым спекулянтом. Он знал, что бабе Лиде нельзя даже намекать на взятку, поэтому придумал такой трюк: каждую неделю якобы у кого-нибудь из его подчинённых или родственников был день рождения, он приглашал на него бабушку, но для спокойствия просил разрешения провести праздник у нас в домике на посаде подальше от начальнических глаз.

Всё понимавшая баба Лида, внутренне усмехаясь, соглашалась на подобный гостевой вариант, ибо хотела подкормить нас с Бушкой Аней дефицитными деликатесами. А они приносили копчёную осетрину, стерлядь, варёные и копчёные окорока, шоколадные конфеты и даже торты. И конечно, водку и пиво.

В день праздника я поджидал его с компанией на холмике у Шиловского дома. Завидя группу из семи-восьми человек, идущую с переправы, я мчался к дому, крича во всё горло: «Лиду, дядя Жоржик с сотрудниками идёт!» Бабушка на это всегда заливисто хохотала.

С первого же такого мероприятия я привлёк к себе в помощь Кирилла. У меня тогда был звонкий чистый голос, я выступал в госпиталях перед ранеными со стихами и песнями. Вот мы с ним и перед «сотрудниками» устраивали концерты по отдельности и дуэтом, а они давали нам деньги на мороженое в качестве гонорара. Затем мы залезали с ним под стол и оттуда таскали всякие вкусности, а некоторые из

гостей втихаря спускали нам под стол стаканы с небольшим количеством водки и пива для аппетита. Кирилл предпочитал пиво, а я, как ни странно, водку. Даже самому не верится, но именно так всё и было.

Эта идиллия кончилась месяца через два: Жоржика всё равно посадили, но мы успели знатно подкормиться.

ДЕВОЧКИ

С самого раннего детства «сам с усам» любил девчонок. Они тоже отвечали мне взаимностью. У меня постоянно было несколько подружек, и они почему-то никогда не ревновали друг к другу. Все отношения, конечно, были, совсем невинные, даже без поцелуйчиков, хотя посадские рабоче-крестьянские дети, наблюдая жизнь домашних животных и непритязательные отношения родителей, знали всё про половую жизнь и описывали её с помощью нецензурных слов. С Наташкой Головановой мы часто понарошку играли в семью «папа-мама», а её младшая трёхлетняя сестрёнка крутилась у нас под ногами, изображая нашу дочь.

Но в шесть лет меня по-настоящему романтично прихватило. В нашу детсадовскую группу начали возить с другого берега потрясающе красивую девочку, прямо как из сказки, да ещё и с необычным для того времени именем Нора. В моём фотоархиве есть подтверждающая фотография. Я был сражён и бросил к её ногам все свои способности. Она отве-

тила мне взаимностью.

Что тут началось! В группе существовала «банда» под предводительством умного и хитрого хромоного пацана. Шестёркой у него был тупой Козлов, естественно по прозвищу Козёл. По команде «фас» они начали нас травить, да не просто по принципу «тили-тили тесто, жених и невеста», а матом с омерзительными подробностями, доводя Нору до слёз. Как же я их лупил: и поодиночке и группами, где застукал, там и навешивал, но ничто не помогало. Тогда я отловил хромоного атамана, зажал его в углу и клятвенно пообещал сломать ему вторую ногу, если не отзовёт своих шавок, дав на прощание пару крепких оплеух. Он понял, что я серьёзно, и дал команду «отбой». С этого момента до самой школы мы всегда ходили вместе за ручку и больше ничего.

ГЛАВА ВТОРАЯ: ПРЕДКИ

Вот мы и добрались до родословной. Как ни старалась советская власть вытравить из нас наследственные корни, всё же по капельке, по крошечке, по сохранившимся старым семейным фото удалось кое-что собрать и отследить до уровня прапрадедушек и прапрабабушек. В детстве и юности я как-то об этом не задумывался, а Бушка и Лиду́ рассказывали только об их повседневной жизни без политических комментариев и семейных трагедий, скупко начав излагать кое-что во время хрущёвской оттепели. Ох, и завидовал же я своему

научному партнёру из Бельгийской королевской обсерватории фламандцу Ван Реймбеке, когда в подвале своего дома он показал мне на стене плакат размером метр на два с семейной родословной, начиная с четырнадцатого века.

Но ближе к теме. Моё происхождение – смесь купеческого и мещанского. На вышеупомянутом уровне наша семья, я имею в виду Савровых, происходит от слияния четырёх семейств: Аристовых, Савровых, Семендяевых и Шустовых. Из них наиболее полные сведения собрали о Шустовых, а наименее полные, как ни странно, о Савровых, в основном потому, что город Остров Псковской губернии, где завязался этот узел, попал под фашистскую оккупацию. Корни двух из этих семейств прослеживаются в Псковской губернии, одно, видимо, было в Пскове, и одно появилось в Острове из Центральной России. С него и начнём.

ШУСТОВЫ

На берегу озера Неро недалеко от Ростова Великого стоит село Угодичи, где чуть не каждый второй носит фамилию Шустов. В каких они родственных отношениях, мне неизвестно, но может быть знаменитый купец Шустов (Шустовский коньяк) и родня нашему прапрапрадеду Никанору Шустову, большая семья которого занималась огородничеством. Два его сына, Иван и Николай, решили податься в Псковскую губернию, где были большие перспективы заняться торговлей

льном. Так они с семьями попали в город Остров, преуспели и по капиталу перешли в сословие купцов. Через какое-то время Николай уехал из Острова и обосновался в Рыбинске, а Иван Никанорович остался в Острове навсегда, будучи купцом второй гильдии (двести тысяч царских рублей золотом уставного капитала). И его дочь, моя прабабушка Анна Ивановна Шустова, навсегда уехала со своей малой родины села Угодичи.

САВРОВЫ

Откуда взялся в Острове мой прапрадед, купец второй гильдии Михаил Савров, пока неясно, но в восьмидесятые годы девятнадцатого века он уже всю вёл там торговлю. После женитьбы его сына Ивана Михайловича Саврова на Анне Ивановне Шустовой Михаил выделил молодых и появился ещё один купец второй гильдии со своей торговлей и недвижимостью.

АРИСТОВЫ

Насколько можно понять, мещане Аристовы давно жили в губернском городе Пскове. В их семье на правах родственников обретались мой дед Антонин Савров и его старший брат Константин, когда учились в псковской гимназии, поскольку в Острове функционировало лишь реальное училище. Я

с 1948 года постоянно общался с тётёй Татьяной, жившей в Питере (тогда Ленинграде), внучатой племянницей бабы Лиды и её младшим братом капитаном дальнего плавания Александром. Но об этом позже.

СЕМЕНДЯЕВЫ

Пожалуй, самая интересная ветвь предков в силу того, что это семейство сделало себя само без протекции и связей. Пятеро братьев Семендяевых, из сословия мещан города Опочка Псковской губернии (это доказано документально) упорным трудом с низов достигли весьма высокого положения. Фёдор Васильевич переехал в Остров, открыл торговлю, перешёл в сословие купцов, был гласным членом городской думы и затем до самой смерти избранным городским головою (мэром), сделавшим столь много для города, что указом императора Николая Второго ему было пожаловано звание почётного гражданина города Острова, и он был причислен к сословию пожизненных почётных граждан Российской Империи.

Прадед Василий Васильевич пошёл на государственную службу (императорскую железную дорогу), начал телеграфистом и закончил карьеру начальником станции «Одесса-Товарная». Вот он-то и женился на псковской мещанке Аристовой Ольге Максимовне, которая родила ему четырёх дочерей (Ольгу, Татьяну, Анну и Лидию), они вместе с бабуш-

кой Лидой по сути и жизни были моими родными бабушками.

В общем, в начале двадцатого века наши предки прочно окопались в Острове и являли лицо города. На въезде в город со стороны вокзала стоял двухэтажный рубленый дом Ивана Никаноровича Шустова с флигелем, складами и магазином. В начале главной улицы возвышался трёхэтажный кирпичный дом Ивана Михайловича Саврова с магазинами на первом этаже, также ему принадлежал на окраине города участок в три гектара с садом и деревянной двухэтажной дачей на нём. И наконец, наискосок от дома прадеда Ивана в центре главной улицы, на углу, располагался монументальный каменный домина Фёдора Васильевича Семендяева с магазинами на первом этаже и жилыми помещениями на втором, с флигелем на мощной подклети, с двухэтажными конюшнями, сеновалом и каретными сараями. Он был настолько монументален, что перед первой мировой войной была выпущена специальная видовая открытка этого дома с указанием имени и должности владельца. В одной из комнат второго этажа родилась в 1918 году моя мама. Дом стоит до сих пор, украшая город и олицетворяя ту далёкую эпоху.

ДВОРЯНСКАЯ ВЕТЬ НАШИХ ПРЕДКОВ

Да, да, у нас была дворянская ветвь, которая со смертью тётки Натальи прервалась, потому что у неё не было детей.

Как она возникла? Существуют две версии семейного предания. Одна изложена в воспоминаниях всё той же тётки Натальи (книга называется «Длинные тени»). По этой версии тётка Наталья, а, следовательно, и я – её кровный племянник, является потомственной дворянкой, состоящей в родстве аж с Петром Великим и его женой Екатериной Первой (урождённой Скавронской). По версии бабы Лиды фамилия Шереметьевский происходит от графа Шереметьева, который признал рождённого от крестьянки сына и дал ему образование. В таком случае к фамилии графа прибавляется суффикс -ский, что означает человек Шереметьева, получивший дворянское звание.

Так или иначе, но старшая из сестёр Ольга Семендяева после учёбы в парижской Сорбонне вышла замуж за потомственного дворянина Евгения Константиновича Шереметьевского, который соединил в себе две дворянских ветви: русскую и французскую. Его отец Константин женился на вдове одесского дворянина барона Де Тардана, сподвижника основателя города Одессы барона Де Рибаса («На Дерибасовской открылася пивная»). Дóма Евгения называли Атя (или Аця), они с бабой Олей пережили первую зиму Ленинградской блокады и были вывезены в конце зимы по льду, добравшись до нас в Рыбинске.

Хорошо помню, как в морозный день раздался стук в дверь, и на пороге появилась баба Оля, потребовавшая немедленно горячей воды, чтобы помыться. Бушка и Лиду

захлопотали и только через полчаса Лиду спросила:

– Оля, а где же Атя?

– Да там он у калитки на саночках лежит, – с раздражением ответила сестра.

Лиду́ ахнула, и мы с ней раздетые помчались во двор. Там у калитки, привязанный к детским саночкам, лежал свёрток – всё что осталось от потомственного дворянина блестящего специалиста Евгения Шереметьевского. Мы затащили свёрток домой, распеленали, обмыли горячей водой, влили в него ложечку водки и положили под Бушкину пуховую перину, создавая согревающую баню. Несмотря на все старания Бушки и Лиду́, через три дня он умер. Похоронили на церковном кладбище, но потом могила затерялась, потому что нас в Рыбинске не осталось никого. Вот такой конец.

СЕМЕЙНАЯ ТРАГЕДИЯ

Младшие сёстры Семендяевы, гимназистки-выпускницы Анна и Лидия, хотя и учились в Киеве, все каникулы и праздники ошивались в Острове в доме любимого дяди Феди, у которого детей не было. Туда к ним вечно набивалась куча молодёжи, особенно мужского пола. Вот и два брата – Антонин и Константин Савровы, к тому времени студенты Петербургского императорского университета, были завсегдателями этой компании. Любовь-морковь. Старший Константин закрутил со старшей же Анной, а младший Антонин –

мой дед – с младшей Лидией, которая была невероятно красива: высокая жгучая брюнетка с синими глазами. От неё по прямой линии такие глаза были у мамы и у меня, так же как холерический взрывной темперамент.

Старшая пара обвенчалась в Острове, а младшей пришлось ехать в деревню, где за золотой рубль их венчал пьяный сельский священник: церковь не одобряла подобные браки, опасаясь кровосмешения будущего потомства. И тут грянул февраль 17-го, а за ним и октябрь. Братья Савровы не желали участвовать и сбежали из Питера, чтобы спрятаться в Острове. Но колобки от красных ушли, а от белых лис не смогли. Их мобилизовали в армию Юденича, присвоили офицерские звания как студентам и назначили командовать артиллерийскими батареями. Повоевать они не успели, так как Юденича из Острова вышибли, а в Прибалтике их интернировали в плен, т.е. жили они без конвоя на хуторе и сами искали работу, чтобы не умереть с голоду. Сёстры мотались между Островом и Киевом, где оставалась родители (дядя Федя умер в 1916 году и похоронен в семейной усыпальнице в Острове). Лиду рассказывала мне, как она уже беременная в 1918-м вывозила их из Киева в Остров. Общий вагон, забитый под завязку военной и гражданской толпой, шагу ступить негде, а ей надо в туалет. И вот она, продираясь, добирается до заветного места, а там дверь настежь, сидят друг на друге три матроса, нижний на унитазах и в руке заряженный маузер. Картина! К счастью поезд сделал остановку, и

какой-то дядька в тулупе вывел её в поле, сделал из тулупа шатёр и сказал «опростайся».

Родня продолжала жить в доме дяди Феди, там 14 сентября 1918 года и родилась мама. Ею занималась бабушка Ольга Максимовна (см. воспоминания мамы) Она и к тому времени очень больной Василий Васильевич практически друг за другом ушли из жизни в 1919 году.

Братья Савровы после освобождения из плена скрылись в Петербурге, полагая, что в большом городе легче спрятаться. Но ЧК арестовало их в июле 1921 года и посадила на три года в тюрьму. После отсидки Константина по слабому здоровью оставили при тюремной бухгалтерии, а Антонина, очень крепкого и сильного, вынудили отправиться на лесоповал (см. воспоминания мамы).

В 1928 году он с бабой Лидой и малышкой-мамой отправился в Рыбинск к Шустовской родне. Так началась Рыбинская эпопея моей семьи, где к концу двадцатых годов собрались обе пары Савровых с подростком-мамой, её дядя Константин с бабой Аней и их маленькой дочкой Аллой, и дедушка Иван Михайлович с моей прабабушкой Анной. Апофеозом стал ноябрь 30 года, когда братьев снова арестовали якобы за участие в офицерском заговоре. Константина по здоровью отправили в ссылку в Архангельск, а Антонина в концентрационный лагерь под Котлас, где он и был убит в 1933 году. В хрущёвские времена братья были полностью реабилитированы, благодаря настойчивости моей младшей

сестрёнки Машеньки мы получили соответствующие справки. Мамин дед Иван Савров умер в Рыбинске, где и похоронен.

БЛИЖНИЕ ПРЕДКИ

Речь пойдёт о трёх последних поколениях, с представителями которых я общался всю свою жизнь, а попросту говоря, они и составляли мою семейную и клановую жизнь. Начну с единственной из прапредков, которую знал лично, очень любил и плакал, узнав о её смерти в 1965 году, находясь на работе за границей и не имея возможности попрощаться. С Анны Ивановны Савровой, урождённой Шустовой, которую я с детства звал Бушкой.

БУШКА

Родившись в 1875 году, она ни одного дня нигде не работала официально, живя в доме родителей, училась в церковно-приходской школе и познавала от родных умение вести дом, без чего в то время в зажиточных семьях было просто невозможно. Русская красавица в стиле моделей художника Кустодиева, обладая весёлым характером, острым умом и отличным чувством юмора, она была душой любой компании и неудивительно, что, будучи на выданье, получила двадцать одно официальных предложения руки и сердца, однажды да-

же три в один день. Об этом она рассказывала мне сама. Отец в конце концов сказал ей: «Нюшка – так он её звал – Нюшка, пойдёшь за Ивана Михайловича Саврова, семья нам ровня, он очень достойный молодой человек». Как послушная дочь она пошла, быстро прибрала мужа к рукам и правила отныне домом и хозяйством, формально не вмешиваясь в торговые дела мужа, но мягко направляя его в случае необходимости. Наш домик на Ленинградской всегда был внутри чист и опрятен, сад и огород её стараниями были ухожены, а вокруг дома благоухали цветники. Таких георгинов и золотых шаров я почти нигде не встречал. Она очень хорошо чувствовала молодёжь, поэтому дом в Рыбинске был всегда полон моими приятелями, а когда они с Лиду весной 1957 года переехали к маме в город Октябрьский в Башкирию, уже городская квартира ломилась от друзей моих младших единокровных Антонина и Машеньки. Начав жизнь без электричества, только при паровозах и пароходах, она окончила её, увидев по телеящику полёт Гагарина и выход в космос Леонова. Ушла при отлично работающих мозгах. Эх, нам бы так!

ЛИДУ

Младшая и самая красивая из четырёх сестёр, бабушка Лидия Васильевна Саврова, урождённая Семендяева, была неутомимым мотором, поддерживающим наш клан, связывающим его в одно целое. Особенно это её качество прояви-

лось после того, как я уехал из Рыбинска, потому что меня она обожала, и стимул рвануться в поездку возрос многократно, а когда я стал взрослым, она перенесла свою активность на сестёр, несколько раз в году совершая дальние поездки в гости к ним. Расклад к тому времени был таков: у каждой из сестёр было по ребёнку. У бабы Оли – тётка Наталья. Ее муж, Оскар, пожив после свадьбы с бабой Олей две недели в одной квартире, сказал жене: «Наташа, я тебя очень люблю, но придётся выбирать: или я или мама». Наташа выбрала мужа, и он выбил тёще комнату в коммуналке. Это в Москве в 1945 году! У бабы Тани был единственный сын дядя Юра, изумительный человек, мы с ним были душа в душу, я мог завалиться к нему в любое время года и суток, приезжая в Москву. Жена его Тика и баба Таня тоже ко мне прониклись, когда узнали ближе. У бабы Ани была единственная дочь Алла, которая в детстве подолгу жила у Лиду́ в Рыбинске и выращивала меня с грудного возраста, будучи подростком. Настрадавшись по северным ссылкам, куда попадал ее муж Константин Савров, баба Аня успокоилась в семье своей дочери, сначала в Ульяновске, потом в Липецке, откуда не выезжала до конца жизни. Вот Лиду и сновала челноком между Октябрьским, Москвой и Липецком, потому что баба Таня жила в Москве с сыном. У самой же бабы Лиды была одна дочь – моя мама.

МАМА

Сложные ощущения. В детстве я её обожал, в зрелости, узнав о её детстве, очень уважал и жалел, в её старости недоумевал, как, потеряв из-за поганой борьбы за власть среди лидеров-коммунистов замечательного отца, моего деда Антонина, она позволила настолько промыть себе мозги, что вступила в эту проклятую партию и честно служила ей до самого своего ухода из жизни.

Окончив семилетку, она не стала учиться в школе дальше, окончила бухгалтерские курсы, работала то там, то сям, а к 18-ти годам стала учителем допризывной и физподготовки в педагогическом училище, потому что преуспела в спорте. Её послали в 1936 году в Ленинград на курсы подготовки инструкторов физкультуры, где она и встретила гуся-лебедя моего отца. Почти двухметрового роста, brutального вида, зрелый, на двенадцать лет её старше, профессиональный спортсмен сразу охмурил девчурку. Но имея за плечами семейное воспитание, она заявила, что только через ЗАГС. Расписались – великое дело. Потом, уже беременная она узнала, что это его третий брак, и там куча детей. Гордость, развод, домой в Рыбинск – и рождает меня, которого все вокруг тетёшкают. Поддавшись на провокационный призыв движения девушек-хетагуровок (по фамилии Хетагуровой, выбранной глашатаем массового отъезда девушек на Дальний Восток, который надо осваивать, а там кроме войск Красной Армии, никого нет), она рванула в город

Ворошилов (в царское время и сейчас Уссурийск), вышла замуж за лейтенанта, оказавшимся психом – развод, но закончила шаромыжку – Школу Рабочей Молодёжи, и вернувшись с отличным аттестатом зрелости, поступила в Москве в Институт Инженеров Землеустройства по специальности геодезия.

Началась война. Институт эвакуировали. Она, видимо, не хотела ехать далеко от нас, отчислилась и вернулась в Рыбинск, где работала в городском комитете по делам физкультуры в качестве инспектора по школьно-вузовской работе и по совместительству шофёром на грузовике, затем в педагогическом училище преподавателем физкультуры. Когда институт вернулся, она восстановилась и уехала в Москву.

Отличная спортсменка, занималась гимнастикой, плаванием, коньками и лыжами, играла за команду «Спартак» в волейбол и русский хоккей, становилась много раз чемпионкой города, занимала призовые места на областных соревнованиях. Так как в те времена вручали призы в виде спортивного инвентаря, у нас дома было полно коньков с ботинками, лыж с жёсткими креплениями армейского варианта, хоккейных клюшек и мячей, в том числе и футбольных. Как мне завидовали все пацаны, когда я, всунув детские валенки в ботинки, рассекал по дорогам зимой на настоящих «Гагенах» и «Динамах», в то время как они пыхтели на снегурках, прикрученных к валенкам верёвками. А на городском катке я вообще летал на беговых коньках. Для нас с Кириллом был

настоящий праздник, когда, приезжая из Москвы на побывку, она вела нас на каток или каталась с нами на лыжах в овраге, на дне которого извивалась речка Ёрш – приток Волги. Вспоминаю удивительный эпизод. Мы вернулись с катания, на парадной двери висит замо́к, а к нам в окошко заглядывает ответственный за противопожарную безопасность.

– Что вы делаете? – обращается к нему мама.

– Да вот, пришёл проверять, на двери замо́к, из трубы идёт дым, а внутри люди ходят.

Мы-то знали, что к нашему возвращению у Бушки будет готов самовар и гора толстых лепёшек, размером со сковороду и вкусных до обалдения. Мы все хором начали звать бабушек. Со стороны чёрного хода из-за дёма появилась Лиду и смущённо объяснила, что прибежала соседка, заперла их на замо́к и убежала.

– Наверное, хотела спасти нас от вашего обхода, – засмеялась мама и пригласила пожарного пить с нами чай с лепёшками.

Так закончился этот инцидент ко всеобщему удовлетворению.

Весной 1947-го мама закончила институт, вышла замуж за одноклассника Ивана Антониновича Ливанова, которого я буду здесь называть Дед, и привезла его к нам в Рыбинск на смотрины. Лысый сорокалетний холостяк-однолюб весьма пожилого вида, который он, впрочем, сохранял неизменным ещё лет пятьдесят. Бушку он сразу любил, а с Ли-

ду возникли весьма натянутые отношения, совершенно ясно, что из-за меня. Впрочем, меня эти дела не интересовали, потому что они привезли мне почитать только что изданную книгу «Два капитана» В. Каверина, и я с головой погрузился в удивительные приключения.

Провожали их на вокзале мы с Лиду. Я прижимал книжку к груди, надеясь её заначить. Дикая толпа осаждала общие вагоны, нам с Лиду и близко не подойти. К моему удивлению, Дед ловко ввинтился в неё, проник в вагон, появился в окне и запросто втащил маму внутрь через это окно. Поезд медленно тронулся, толпа рассосалась, Лиду выхватила у меня книгу, подбежала к окну и кинула её маме. Вот горе-то мне было!

ГЛАВА 3

ПЕТРОЗАВОДСК (КАРЕЛИЯ), МАРТ 1948 – МАРТ 1950

В 1945 году, почти в восьмилетнем возрасте, я пошёл в мужскую семилетнюю школу, расположенную в километре от нашего дома. Там же в третьем классе учился уже Кирилл и вся шпана и хулиганье, о которых я писал в первой главе. Часть из них, в основном дылды-второгодники, оказались и в нашем классе. Учительница типовая, каких описывают в книжках и показывают в кино, меня она любила за

способности и мою «сам с усамость». Слово «пионер» тогда у школьников было ругательным, прямо как в книге и фильме «Республика ШКИД», поэтому я через месяц вступил в пионеры, хотя было не положено, слишком рано; зимой создал звено, а к апрелю у нас в классе уже был отряд. Правда, пришлось пережить несколько трёпок от шпаны, так что почти две недели осенью меня до полпути к дому провожали по очереди учителя.

Хотя пай-мальчиком я не был никогда. Помню, бабу Лиду зачем-то вызвали вместе со мной к директору школы, бог знает, что я там натворил. Мы пришли к его кабинету, а в руке у меня почему-то было поджигало, это трубка, набитая головками спичек и снабжённая ударником в виде гвоздя на жёсткой резинке. Была перемена, народу вокруг немерено, директор вышел к нам из кабинета, и тут я жажнул из поджигала. Дикий грохот, немая сцена. Он обыскал меня всего, но так и не нашёл оружия, которое я продолжал сжимать в ладони левой руки. «Мистика, – сказал он, – идите отсюда». Мы с Лиду и ушли. Хотите верьте, хотите нет.

В конце февраля 1948 года мама вдруг появилась в Рыбинске и объявила, что Дед получил по окончании института распределение в столицу Карело-Финской ССР (Союзная Соц. Республика) город Петрозаводск, она едет, конечно, с ним, и приехала за мной, потому что пора нам жить полноценной семьёй. Дед уже на месте, решает жилищные вопросы и устраивает её в ту же геодезическую контору. Я слег-

ка прибалдел, но поскольку бабушки не выступали, тоже не стал заморачиваться.

– Ты же понимаешь, – сказала мне мама, – что мальчику нужна твёрдая рука опоры, нужен отец, чтобы не стать капризным типом у мягких женщин.

– У Лиду покапризничает, – отозвался я, – недавно так отходила меня веником, да ещё клок волос из башки вырвала.

– Ну, до этого у нас не дойдёт, – легкомысленно пообещала мама, – и хорошо бы, если ты будешь называть его отцом.

– Посмотрим, – хмурясь, ответил я, – только фамилию я менять не буду, останусь Савровым в честь предков.

– Конечно, конечно, – согласилась она, – никто тебя не заставляет.

– Отправляемся через пару дней, – объявила мама, – с заездом в Москву и Ленинград, повидаемся с родственниками.

Это мне понравилось значительно больше, ведь я, кроме Рыбинска, видел только Ярославль: Лиду как-то свозила меня туда на пароходе. А на поезде я ещё ни разу не ездил, только вечно встречал и провожал кого-то из родни. Знать бы сколько потом придётся ездить и летать за свою не такую уж короткую жизнь!

Так что покатали мы в столицу нашей Родины Москву. Почему-то никого не волновало, что меня сорвали из школы после третьей четверти. Москва меня не ошеломила, а восхитила водоворотом движения транспорта и толп пеше-

ходов. Сначала мы гостили у тётки Натальи. У них с Оскаром на Тверской (тогда ул. Горького) в самом центре (дом №15, рядом с бывшим Благородным собранием, тогда Моссоветом, теперь Мэрией) была громадная комната с альковым, но всё равно коммуналка, ещё три комнаты разных соседей, которых, впрочем, я никогда не видел. Зато в общей прихожей существовало невиданное чудо – мусоропровод. И конечно, ванна, хотя и общая.

Тётка Наталья сразу начала меня учить хорошим манерам, особенно во время еды, обедали мы на сервизе, потому что подавалось несколько блюд, приборы из столового серебра, суп подавался в супнице и т.д. Тётка показывала мне, как правильно пользоваться ножом и вилкой, и какие из них для каких блюд предназначены. И когда она подала жареных рябчиков в сметане, я смело накинулся на свою птицу с вилкой и ножом. После первой попытки тушка прыгнула прямо в тарелку Оскару, хорошо, что сметана не запачкала его костюм-тройку, но он как чувствовал и заткнул за вырез жилета здоровенную вышитую салфетку. Тётка милостиво сообщила, что в обществе принято птицу есть руками. Тут уж я развернулся. До конца дней своих она воспринимала маму и всех нас как бедных провинциальных родственников, которых надо опекать. Я от этого зверел и всё время с ней собачился («сам с усам»), но с удовольствием пользовался её связями, чтобы ходить на премьеры московских театров. Первый выход как раз и состоялся в этот наш приезд. Она

взяла нас с собой на генеральную репетицию оперы «В бурю» Тихона Хренникова, тогдашнего и бессменного председателя Союза советских композиторов. Подхалимская, конечно, с Лениным, принимающим крестьянских ходоков, но я впервые слушал оперу вживую, красиво, к тому же Хренников был очень неплохим мелодистом.

Погостив пару дней на Тверской, мы завалились к дяде Юре на 4-й Волконский переулок. Тоже коммуналка. Но там мы были как у себя дома. Дядя и мама дружили с юности, а мне он был вместо родного отца. Тика, жена его, маму очень любила, дядя познакомил их ещё до войны, когда женихался с Тикой, и они быстро подружились. Дядя Юра нас очень поддержал в войну, пересылая любимой тёте Лиде (он звал Лиду «тёкчик») свой денежный аттестат, потому что его мама баба Таня осталась в оккупации в Одессе и работала в румынской комендатуре, чтобы выжить. Если бы дознались, по тем временам расстрел, но как-то чудом обошлось. У дяди мы ели под водочку (взрослые) варёную картошку с солёным огурцом руками и чувствовали себя прекрасно.

Через три дня мама сказала:

– Пора ехать в Звенигород.

– Зачем? – удивился я. – Нам здесь так хорошо.

– Там тоже будет замечательно, красотища, недаром район называют «подмосковная Швейцария», в самом городе живёт родная старшая сестра И.А. (Деда) Лида, у неё гостит вторая сестра Вера, а в селе Шарапово в 12 км от Звенигоро-

да постоянно живёт старший брат И.А. (Деда) Владимир, замечательный человек, он главный лесничий звенигородского района.

Вот мы и двинули с Белорусского вокзала на паровичке, ибо тогда линия ещё не была электрифицирована, до станции Звенигород, конец маршрута, тупик, как, впрочем, и сейчас. Вышли на пыльную площадь, совсем как у Гайдара в «Тимуре и его команде», и оказалось (для меня), что до города нужно пройти три километра, перейдя по мосту реку Москву. Она была тут в два раза уже, чем в столице. Что такое для молодой мамы и одиннадцатилетнего пацана три километра? Пустяк, но при условии, что у вас нет двух набитых чемоданов и двух объёмных холщовых сумок и к ним двух-трёх увесистых сеточек с гостинцами.

Мама связала ручки чемоданов полотенцем, взвалила их на плечо наперевес, взяла две сумки в руки, я прихватил остальную поклажу, и мы потопали, потому что автобуса нужно было дожидаться час: пока мы чухались у вагона, тот, который пришёл к поезду, уже смылся. В дальнейшем я полностью оценил красоту звенигородчины, но в тот день мне было не до любования окрестностями.

Тётя Лида с тётёй Верой встретили нас как кровную родню, и поскольку обе были народными учительницами (т. Лида здесь, в городе, т. Вера в Уфе), разместив нас, умыв и накормив, принялись сразу исправлять пробелы в моём образовании. Выяснив, что у меня неустойчивый почерк, я

был посажен за прописи по чистописанию. Я ненавидел этот предмет, но тут уж прямо полез на стенку. Однако за неделю под их чутким руководством выработал вполне сносный почерк. Шестьдесят лет спустя мне не хватило такой железной воли с младшей внучкой Носей. Впрочем, её поколение уже разучилось писать, они с бешеной скоростью тычут в свои гаджеты.

В Шарапово у дяди Володи мы тоже побывали, отличным он оказался мужиком и творческой личностью: рисовал пейзажи и руководил детским кружком радиолюбителей. Его жена тётя Лиза, несмотря на артрит кистей рук, прекрасно готовила и управлялась по дому и хозяйству. Мы много десятилетий ездили в этот чудесный уголок Подмосковья, зная, что нас всегда ждут. Помню, какая получилась замечательная лыжная прогулка однажды от станции Звенигород до Шарапово. Мы совершили её вчетвером: Оля, я, Маша и Лев-младший. Во время обеда на кухонный стол через открытую форточку залетали стайки синичек и разделяли с нами трапезу, кошку на это время выгнали в сени.

Из Москвы мы в приличном плацкартном вагоне покатали в Питер, он, конечно, был тогда Ленинград, но коренные жители этого удивительного города всегда называли его Питер. С Московского вокзала на троллейбусе (метро тогда ещё не было, а, кстати, в Москве я пришёл в восторг от него, как и все, кто первый раз попадал в столицу) по Невскому и Дворцовому мосту мы добрались до Васильевского острова. С тех

пор 12-я линия, дом 21 стал моим постоянным прибежищем на многие десятилетия. На четвёртом этаже там в коммуналке в довольно большой комнате жила Татьяна Александровна Кузнецова, урождённая Аристова с мужем архитектором. Она работала учительницей в школе. В Питер в юности переехала из Пскова, где, как я уже упоминал, ещё с давних пор жила когда-то многочисленная ветвь Аристовых, участвовавшая в образовавшая нашей семьи Савровых. Тётя Таня приходилась двоюродной племянницей нашей Лиду. Она прикипела ко мне, потому что её единственный сын погиб на Карельском перешейке в Финскую войну.

Кроме неё, в Питере же обосновался её младший брат, Александр Александрович Аристов, капитан дальнего плавания, весьма незаурядный человек. В зимнюю кампанию он водил советские круизные лайнеры по Атлантике, Тихому и Индийскому океанам, появляясь эпизодически то во Владивостоке, то в Мурманске, то в Калининграде, а его жена Галя летала в эти города на время стоянки корабля мужа (детей у них не было), снимая номер в гостинице для краткого свидания. Кстати, они очень дружили с дядей Юрой и Тикой, и часто ездили друг другу в гости в Москву и Питер, или проводили вместе отпуск. А в летнюю навигацию он в течение двадцати с лишним лет подряд командовал четырёхмачтовой парусной шхуной «Кодор», принадлежавшей Ленинградской Мореходке, и обучал парусному искусству курсантов во время кругосветных плаваний. Для представительства

при заходах в иностранные порты ему выдавалось немереное количество водки, коньяка, шампанского и красной и чёрной икры. Его рассказы можно было слушать бесконечно. Я ещё напишу о нём, если хватит сил и времени.

Тётя Таня поведала мне уникальную историю, случившуюся не то в 1912-м, не то в 1913 году. Оказывается, по её словам, у Шереметьевских была в Мариинском театре своя ложа рядом с императорской. И вот якобы на свадьбу бабы Оли и Ати было решено сделать выход на премьеру балета с Кшесинской, потому что собиралась быть императорская семья. А поскольку у Танечки как раз была конфирмация, её по такому случаю взяли с собой, и она сидела в ложе рядом с царской семьёй. Для девочки это было потрясением.

Подтверждения этой истории в воспоминаниях тётки Натальи «Длинные тени» я не нашёл. С другой стороны, её самой тогда ещё и на свете не было, а зная характер её мамы, не удивлюсь, если та не посвятила дочь в такое событие. Впрочем, одно логическое уточнение можно сделать. У Шереметьевских своей ложи не было. Скорее всего, эта ложа принадлежала их очень богатым родственникам Ковалевским, которые и устроили праздник молодожёнам и Танечке.

Через пару дней мы сели в поезд Ленинград-Петрозаводск и покатали в столицу советской КФСР. Ночью мне не спалось: слишком много навалилось впечатлений. Но размышляя, я тогда уже сделал свой выбор: Питером я восхищался, но жить собирался только в Москве.

Город мне понравился. Он красиво располагался на берегу необъятного Онежского озера, Онеги, как говорили местные. В поймах речек Неглинки и Лососинки были разбиты парки, и располагался стадион с теннисными кортами, там я впервые приобщился к теннису, начав с подавания мячей игрокам, сейчас этих мальчиков и девочек называют болл-бой.

Дед встречал нас на вокзале и повёл на квартиру, которая оказалась длинной и узкой комнатой-пеналом в типовом рабочем бараке. Кроме двух узких армейских коек в пенале ничего не было. Обедали мы, сидя на койках, поставив между ними два чемодана в качестве стола. Но расположен барак был на склоне почти у озера, метрах в ста, наверное, прямо перед базой военных гидросамолётов. Ох, и зрелище было, когда они взлетали и садились!

Впрочем, из пенала мы довольно быстро слиняли в большую квадратную комнату цокольного этажа двухэтажного каменного дома, в котором на верхних этажах располагалась Республиканская геодезическая контора. Эта комната, в которой мы прожили почти год, запомнилась ужасным происшествием, когда мы с мамой чуть не сгорели. Она готовила обед на керосинке, я сидел за столом, учил уроки. Непонятно почему она решила подлить керосина, не выключив агрегат, который и взорвался с пламенем до потолка, опалив маму. Спортсменка с отличной реакцией, она сорвала с вешалки телогрейку, мгновенно накинула её на керосинку и выскочи-

ла во двор, где потушила. Я в это время сбивал подушкой пламя с загоревшихся газет, книг и обоев и тоже справился успешно, если не считать прогоревшей наволочки. А ведь мама в это время уже была беременна, ожидая появления на свет моего единоутробного брата Антонина.

Девятого декабря 1948 года он и соизволил появиться. Я, конечно, тащил его в свёртке из роддома домой. К этому событию контора сделала маме с Дедом подарок в виде большой комнаты в двухкомнатной квартире двухэтажного двухподъездного дома из рубленых брёвен (Во! Сплошные двух!). Каждой квартире за домом соответствовал сарай для хранения дров, ибо квартиры отапливались печками. Сколько мы с Дедом напилили чурбаков, но колол их он всегда сам. Вот, кстати, когда я оценил, что мы оказались на втором этаже. Ведь к каждой квартире был пристроен туалет типа сортира, точно такой же как был в нашем домике в Рыбинске, с той разницей, что тут они были двухэтажные. Представьте, вы сидите на очке на первом этаже и вдруг за вашей спиной плюх, шлёп, а потом еще как польётся струя в выгребную общую яму. Веселье!

Мама собиралась выйти на работу через две-три недели, поэтому к нам повалили косяком деревенские карельские девушки, желающие стать нянькой, это был тогда у них единственный путь получить паспорт и вырваться из деревни, где они жили практически крепостными, им паспорта не выдавали. У парней хоть был свой способ – служба в армии, а там

«фьюить, прощай, моя сторонка, мой дом родной, прощай!»
Лишь при Хрущёве крестьянам разрешили иметь паспорта.

Просматривая претенденток, мама пришла в ужас: у некоторых в волосах было по несколько сотен вшей. Мама выбрала крепкую девушку с минимальным количеством этих насекомых, за два дня с помощью керосина и мыла вывела их, так в нашей семье появилась Женя Романова, а в комнате нас стало пятеро, считая принца в кроватке. В маленькой комнате нашей квартиры жила тихая воспитанная женщина библиотекарь со своей такой же мамашей. Обе они мне очень симпатизировали.

Весной 1949 года к нам заявила Лиду, она приволокла мне лыжи с полужёсткими армейскими креплениями (чего не сделаешь для любимого внука), попутно восстановив в Питере контакт со своей племянницей тётей Таней. Недолго погостив, она отбыла, потому что отпуска тогда были короткие, а она всё ещё работала. Тем же летом я впервые отбыл смену в пионерском лагере, где мне понравилось, я же всегда легко сходился с людьми.

Теперь о школе. Я пошёл в начальную школу, которая находилась недалеко от места работы мама и Деда. Отучился последнюю четверть в третьем классе и в четвёртом, выпускном. Довольно быстро стал одним из лучших учеников, заведя приятелей и, конечно, обретя завистников и врагов, потому что меня выбрали заместителем председателя пионерской дружины, председателем у нас была девочка, круглая

отличница, школа к моему удовольствию была смешанной. С врагами разбирался старым проверенным способом – драками, но за воротами школы. Сдав четыре выпускных экзамена, мы получили свидетельство об окончании полного курса начальной школы.

Далее я перешёл в находящуюся почти рядом с начальной мужскую семилетнюю школу, где к списку положенных по программе предметов прибавился английский язык. В этой школе я проучился один учебный год (пятый класс). И пришлось мне с точки зрения социума потяжелее. По сути я подружился только с двумя одноклассниками, с одним из которых сидел рядом за партой. Остальные то ли из-за того, что я опять быстро стал лучшим учеником, то ли почувствовав мою «сам с усамость», встали в жёсткую оппозицию, так что мне иногда сильно доставалось ввиду численного превосходства противника. Однажды я пришёл домой, держась за голову: сзади бросили кирпич и весьма удачно. Дед спросил, в чём дело, я сказал. «Идем», – сказал он, мы пошли по дороге к школе и встретили одного из главных закопёрщиков. Он, завидя нас, дал стрекача, но Дед, к моему удивлению, в три прыжка его догнал и жестоко надрал уши, приговаривая: «Нельзя кучей на одного, драться надо честно».

Теперь о городе и Карелии. Город сделал мне два подарка, один разовый, другой постоянный на всё прожитое в нём время. Разовый – это первый в моей жизни настоящий салют живьём. В честь 1 мая, ведь Петрозаводск тогда был столи-

цей Союзной Республики, ему по статусу полагались праздничные салюты. Это было необыкновенно. Мы пошли все тогда ещё втроём. На пустыре, почти у кромки берега озера были поставлены две зенитки, за ними в две шеренги роты солдат с ракетницами, за солдатами свободно стояли зрители, коих было не так уж и много. Между зенитками и солдатами стоял американский «Студебеккер» с откинутым задним бортом. В кузове возвышался офицер с красным флажком в одной руке и секундомером в другой. На него были направлены с двух сторон прожектора, так что он вырисовывался весьма эффектно. Ровно в 10 часов московского времени он взмахнул флажком, грянул залп, в небо взлетели разноцветные ракеты. Через каждые пятнадцать секунд всё повторялось, пока не закончилось указанное число залпов. Необыкновенное зрелище! В дальнейшем каких только салютов в разных местах Земли я не насмотрелся, но этого первого не забуду никогда.

Второй подарок – это прекрасный Дворец Пионеров, монументальное здание на широкой площади Кирова, на которой проходили праздничные демонстрации. Это было моё царство, где я проводил больше времени, чем в школе. Во-первых, громадная библиотека, я читал днями напролёт в читальном зале и ещё брал книги на дом. Во-вторых, наличие разнообразных кружков. Сначала я затесался в авиамодельный, мы клеили из спец-бумаги огромные воздушные шары, надували их горячим дымом над костром и запуска-

ли в сторону озера. Они улетали на несколько километров, а когда дым охлаждался, благополучно тонули в его бездонных глубинах. Затем мы делали из наборов модели планеров и фюзеляжных самолётов с винтом, вращающемся от перекрученной резинки. Обе мои модели к моему удивлению даже полетели. Потом я вдарил по музыке, пошёл записываться в кружок духовых инструментов, но там уже не было мест. Пришлось записаться в кружок народных струнных инструментов. Получил домой домру-приму и целый год по нотам разучивал и дома и зальчике дворца для кружка народные песни и композиции, под конец мы весьма успешно выступали на концертах. Жаль было уезжать от таких возможностей.

Карелия. Всем известна красота карельских лесов и озёр. Пара эпизодов, которые легли, что называется мне на душу. Первый – выезды за город коллектива конторы с семьями на выходной на какое-нибудь небольшое озеро, с разведением костров, приготовление чая и прочего, строительство плотов и путешествие через озеро без сопровождения комаров, которых сдувал ветерок. Второе – незабываемая поездка вдвоём с мамой на два дня с ночёвкой в карельскую деревню на берегу большого озера, там жила мамаша маминой сослуживицы, устроившей нам этот отдых.

Озеро оказалось весьма большим с многочисленными островами. Мы взяли лодку и переплыли на ближайший остров. Причалили в песчаной бухточке. Я поднялся на невысокий обрыв, оказался на поляне и замер, поражённый. Ногу

было поставить некуда: поляну устилали сплетённые в ковёр высокие кусты черники, ядрёной и сладкой. Ясно было, что до нас тут никто не появлялся. Я так и не ушёл с этой поляны, набрал корзинку черники, потом стал её есть. Сперва стоя, потом сидя, потом лёжа. «Пойду, поищу ещё чего-нибудь», – сказала мама и ушла. Вернувшись часа через два с литровой банкой лесной земляники, она застала такую картину: я лежал на боку и губами снимал ягоды с куста, объев его, перекачивался на другой бок к следующему кусту и продолжал ленивое объедание. И был я весь измазан черничным соком.

– Ого, – сказала мама, – смотри не перестарайся. Ладно, поехали, в бане отмоешься.

После бани нас ждало удивительное блюдо – карельский рыбник. Из печи вынули две ванночки из толстого теста, соединённые швом, верхняя как крышка, нижняя как поддон. Конструкцию взрезали вдоль шва, внутри пространство было заполнено доверху запеченными целиком рыбинами различных сортов. Вкуснота! На десерт мама подала только что сваренный землянично-черничный кисель. Вот уж блюда столь уникального вкуса я отродясь не пробовал и явно больше не попробую никогда.

– Вы бы на острове поосторожнее, – сказала хозяйка, – у нас там медведи шастают.

– Я сам был как медведь, – ответил я, – он бы меня за своего принял.

Через сорок лет я-таки встретился с медведем в Северной

Карелии на Полярном круге, но тут я был предупреждён и вооружён. Лет за десять до того Дед подарил мне свою надёжную курковую двустволку 16-го калибра с отличным боем. У него ещё до войны был охотничий билет, вот он и купил раритетную вещь, к тому же у него был и комплект острейших охотничьих ножей. «Возьми, – сказал он, – Антону не хочу, он у нас шальной, ещё застрелит кого-нибудь». Видимо, он был прав, потому что мама, много путешествующая со мной на автомобиле, говорила, что со мной ей очень комфортно. Кстати через два дня после общения с медведем, я на повороте лесной дороги столкнулся нос к носу с матерем волчищем, чуть ли мне не по грудь. Ну и силища! Мягкий с места пятиметровый прыжок вбок в чащу, только бесшумно качнулась ветка.

В 1950 году Дед много ездил в командировки в карельскую глухомань и всегда брал ружьё. Однажды привёз громадного глухаря.

– Вот это трофей, – восхитился я, – две недели будем есть. А почему это у него глотка перерезана?

– Увидел, что ему деваться некуда и зарезался, – без тени юмора ответил Дед.

И последний редкий эпизод, чтобы завершить карельский период жизни нашей семьи. 30 декабря 1949 года, часа три пополудни, мы дома втроем. Женька хлопчет с обедом, бегая в кухню и обратно. Наследный принц весело гукает и прыгает в кровати, он уже два раза переваливался через

бортик и приземлялся макушкой на дощатый пол, похоже, это ему только нравится. И тут я вспоминаю, что у нас нет ёлки. Ничего себе. В Карелии без ёлки. А они растут на опушке леса метрах в трёхстах от нашего дома.

Надеваю сапоги, сгребаю лыжи, беру самый острый Дедов нож и вываливаюсь на улицу. Быстро добежав до леса, выбираю маленькую и пушистую и начинаю резать. Тут же понимаю, что вместо хорошего ножа лучше иметь обыкновенный топорик, но он под замком в сарае. Быстро стемнело, заметно, что весьма морозно. Режу и режу в темноте, упёртый. Через час примерно где-то вдалеке завыли волки, принесло их. Снял лыжи и режу, режу, самому жарко, а ног не чувствую.

И всё-таки срезал. Притащил домой, мама ждала меня с ремнём в руках, но увидев на мне сапоги, ограничилась крепкой оплеухой. Когда она стащила с ног сапоги, мои пальцы и подъёмы были все белые и в ямочках. Она налила в таз холодной воды и сунула в него мои ноги. Я взвыл. Постепенно повышая температуру воды, она через час довела ноги до нормального состояния.

– Ну, ты и гусь, – сказала она, – хорошо, что я знаю, как выходить из такой ситуации, сама два раза обмороживала лицо и руки, когда бежала на соревнованиях в Рыбинске три километра на лыжах при температуре минус тридцать пять

– Зато мы с ёлкой, – ответил я.

Кстати, лет через восемь мне пришлось походить на лыжах при минус сорока двух градусах, опять же в Рыбинске,

после этого местный тренер городской сборной усилено зывал меня в секцию.

ГЛАВА 4

БРЯНСК, НОЯБРЬ 1950 – АВГУСТ 1953

Деду и маме хорошо работалось в Петрозаводске: в конторе подобрался отличный коллектив. Но Деду, предрасположенному к туберкулёзу, климат Карелии оказался противопоказан. К тому же ему очень хотелось на малую родину, на Брянщину. Вот он и списался с областной геодезической конторой, предлагая сразу двух специалистов с опытом работы. Получив положительный ответ, мы вчетвером (Женю мама обещала вызвать в Брянск, как только устроимся) в мае покатали в Питер, где у Деда была пересадка в Москву, а там в Брянск, мы же с мамой и наследным принцем сели на поезд Ленинград – Горький (теперь Петербург – Нижний Новгород), который проходил через Рыбинск. К тому времени мама была практически на последнем месяце беременности, ожидая появления нашей младшенькой Машеньки.

На вокзале нас, конечно, встречала Лиду, а Бушка дома уже наготовила гору праздничной еды. Какое счастье оказаться снова в родном доме, где знаком каждый паучок со своей паутиной в дальнем углу кладовки, убедиться, что всё на месте, как будто и не отсутствовал два года. Узнать, что

все приятели тут живы и здоровы и даже появились в нашей компании новички, приезжие или поменявшие кварталы.

Лето опять на удивление выдалось жаркое, почти без дождей. Конечно, мы с Перемутом сумели быстро «отличиться». По утрам по улице по-прежнему проходил пастух, собирая хозяйских коров в стадо и отгоняя его на выпас на опушку леса километров на пять от нас. Днём хозяйки шли к стаду на полуденную дойку. Практичный Перемут предложил сходить туда вместе с ними. «Попробуем парного молочка», – сообщил этот хитрец.

В полдень мы присоединились к нескольким соседкам и пошли по пыльной дороге к опушке леса. В пути я развлекал их рассказами о дикой природе Карелии, так что мы честно заслужили своё парное молоко. Потом мы с Валеркой решили исследовать опушку леса поглубже. Довольно быстро обнаружили ёжика, который вывел нас на двух небольших гадюк, он на них охотился. Мы забили их прутьями, после чего подобрали две небольшие ветки, выломали из них палочки длиной сантиметров тридцать, расщепили с одного конца и вставили как в зажим туда мёртвых змеек, чтобы унести трофеи домой.

Лиду была на работе, дома оказалась только Бушка.

– А где мама? – спросил у неё я.

– Пошла к Дусе Головановой.

– Тогда мы тоже туда ходим.

– Ага, – подхватил мою идею Перемут, – давненько голо-

вановских вишен не пробовали.

У него в руках откуда-то появился кусок навощенной бумаги.

– Сделаем им сюрприз, не идти же с пустыми руками, – сказал он. – Обернём гадюшат бумагой, получится два больших эскимо на палочках.

Я радостно согласился. Мы перешли наискосок нашу улочку и вошли во двор Головановых, потому что как почти во всех домах на ней днём калитки были всегда настежь

– А вот и мы с сюрпризом, – сказал я маме, – посмотри, какое эскимо.

Мама взяла моё творение, развернула его, жутко взвизгнула и чуть не свалилась со стула.

– С ума сошли! – закричала тётя Дуся. – Она же сейчас разродится, у неё до срока неделя осталась.

Подхватив свои эскимо, мы сконфуженно ретировались.

– Да, как-то мы не дотумкали, – задумчиво сказал Перемут.

– Уж это точно, – согласился я.

– На Заречной улице около сосны есть большой муравейник, – сообщил он. – Суну-ка я в него наших змеёнышей, пусть мураши полакомятся.

– Хорошо, что Деда здесь нет, – заявил я. – Иначе мы бы так легко не отделались. Он маму безумно любит.

– Поздняя любовь завсегда железная, – со знанием дела прокомментировал Перемут. – А где он?

– В Брянске, оформляется на работу и ищет жильё.

– Значит, опять смоешься?

– Ага. Но это ещё не скоро. Всё лето впереди.

– Попрыгунья стрекоза лето красное пропела.

– Ну, ты даёшь! Басню выучил?

– А то!

К счастью, мама родила в срок 24 июня. И через пару дней я вынес из того самого роддома, откуда двенадцать лет назад вынесли меня, очередной свёрток, только в розовых лентах, и понёс его на пассажирскую переправу с тем же самым пароходиком и доставил в родной дом.

Теперь пора вернуться к моему крещению, которое так живописно изложил Кирилл Градусов в своей повести «Родное», но с существенными неточностями. Как-то раз я почувствовал, что Лиду хочет мне что-то сказать, но почему-то мнётся.

– Лиду, ты сегодня сама не своя, – сказал я. – В чём дело?

– Понимаешь, Лёвушка, – начала она, будто стесняясь, – когда ты в два года умирал от малярии, я дала обет, что если выживешь, то окрещу тебя. Вот пока всё не получалось, и мне не по себе, ведь ты уже шестиклассник и пионер.

– Пионер – всем ребятам пример! Подумаешь, делов-то. Пошли в церковь.

Обрадованная Лиду подхватила, и мы поехали на другой берег за реку Черёмуху, приток Волги, где советская власть оставила единственную на весь город действующую

церковь. Батюшка покачал головой.

– Больно велик отрок. Чтобы провести таинство, нужно ему знать по крайней мере две молитвы. Знаешь?

– Вообще-то, нет, – ответил я.

– Извини, тогда не получится. Вот выучишь, приходи.

Мы с расстроенной Лиду вышли и присели на ступеньках.

– Вот незадача, – вздохнула она. – И сама-то я уже все молитвы позабыла.

– Не переживай, – сказал я. – Вон на паперти старушки стоят. Выбери бабку попрличнее, дай ей рубль, пусть наговорит мне парочку молитв.

Лиду привела бабку, та продолдила мне «Отче наш» и «Богородица Дева, радуйся». Я попросил повторить ещё разок и сказал: «Спасибо, хватит. Пошли, Лиду, обратно».

Дальше всё было как у Кирилла. Батюшка действительно был потрясён. Кстати, крестик у меня хранится до сих пор.

Лето пролетело как пуля. Наступило 1-ое сентября, «дети в школу собирайтесь, петушок пропел давно». Петушку «сам с усам» тоже было положено в школу. Бумаги из петро- заводской школы у меня были.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.